

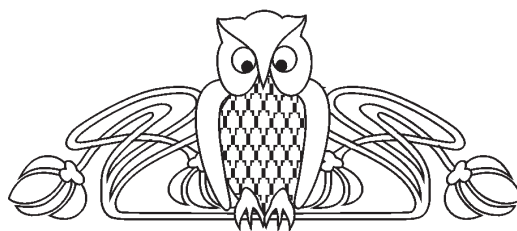


УДК 811.161.1'42

СЛОВО-КОНЦЕПТ «ДЕЛО» В РУССКОМ ИНТЕРДИСКУРСЕ

О. Ю. Авдевина

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: olga.rosauzb@gmail.com



В статье предложен анализ слова *дело*, обозначающего один из ключевых концептов юридической речи. Его использование в разных видах дискурсов позволяет обнаружить действие интегративных процессов в концептосфере культуры. Концепт претерпевает содержательную трансформацию, системность которой может быть представлена в аспекте обоснования и изучения понятий «профессиональный дискурс» и «интердискурс».

Ключевые слова: концепт, профессиональный дискурс, интердискурс, судебная речь, имя события, концептуализация слова.

Word-Concept 'Case' in the Russian Interdiscourse

O. Yu. Avdevnina

The article offers the analysis of the word 'case' denoting one of the key concepts of the legal speech. Its being used in different types of discourses allows to reveal the action of the integrative processes in the concept sphere of culture. The concept undergoes the transformation of meaning, the consistency of which can be represented in terms of substantiation and studying the notions of 'professional discourse' and 'interdiscourse'.

Key words: concept, professional discourse, interdiscourse, courtroom speech, event name, word conceptualization.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-137-144

Методы выявления и реконструкции концепта, как и само определение этого понятия, давно и прочно вошли в практику функциональных исследований языка в лингвокультурологической парадигме современной лингвистики. В ходе становления теоретических подходов к анализу концептов всегда подчеркивалось, что само это понятие является действенным инструментом изучения социальных аспектов языка, потому что позволяет представить конкретно и комплексно как взаимодействие человека и культуры, отраженное в языке, так и взаимодействие культуры и языка, воплотившееся в ментальных формах. Называя концепты «сгустками культурной среды в сознании человека»¹, Ю. С. Степанов акцентирует внимание на их сложной лингво-социо-ментальной природе, на их существовании в конгломерате языка, культуры/социума и сознания, коррелятивных в концептуальном пространстве культуры и языковой картине мира.

Какими бы различными ни были научные интерпретации концепта, инвариантным положением в их определении является сформулированная Ю. С. Степановым идея триединства «язык – культура – языковое сознание», представления о

котором при разных подходах конкретизируются, детализируются и методологически упорядочиваются. Само же понятие «концепт» позволяет взглянуть на реализацию этого триединства как на закономерные и определенным образом оформленные модели бытования языка в ментальном поле культуры.

Важнейшими для нас в данной статье являются два направления исследования концептов: в их соотношении, во-первых, со словом, во-вторых, с понятием дискурса.

Первое направление связано с изучением процессов вербализации концептов, их наименования, детерминации семантикой и функционированием единиц языка, прежде всего – слова.

Так, намечая алгоритм выявления концепта, в качестве отправной точки его реконструкции ученые предлагают функционально-семантический анализ слова. Согласно этой методике, изучение концепта должно двигаться от исследования внутренней формы слова (по Потембне: ближайшего этимологического значения, звукообраза) и комплекса лексических значений слова к анализу исторических, социальных и культурологических условий, традиций словоупотребления, к иным, неязыковым, фактам культуры (обычаям, традициям и т. п.)². Слово имеет когнитивную память: «смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка»³, которые накапливаются в его семантике и расцениваются как важнейший компонент концепта.

Мы ставим вопрос о целесообразности обратного хода исследовательской мысли: анализа не концепта через слово, а слова – через концепт. Это возможно в контексте того, что уже известно о концептосфере языка – того ее сегмента, в котором используется анализируемый концепт. Для этого необходимо обратиться к фактам особого употребления тех слов, которые уже «замечены в причастности» к вербализации концептов. В той же мере важен анализ и широкого социального контекста функционирования слова, его социолингвистической и лингвокультурологической «биографии», в аспекте новых возможностей обозначения экстралингвистических феноменов.

Поэтому второе интересующее нас направление изучения концепта связано с его формированием и использованием в контексте особого социокоммуникативного конструкта, называемого *дискурсом*.



Как неоднородны имеющие множественные наслоения концепты⁴, так неоднородна и многоаспектна подвергающаяся концептуализации коммуникативная и ментальная сфера их функционирования. В границах социального бытия в ней выделяются области общественной деятельности, коммуникации и общественного сознания, которые называются дискурсами. Связь дискурса с концептом представляется связью на уровне функционального аспекта слова, маркирующего концептуальную специфику дискурса: комплекс идей, представлений, характер культурных наслоений на речь и общение, стиль мышления.

В дискурсе, определяемом как коммуникативная ситуация, ставшая фактом культуры⁵, выделяются, помимо лингвистического, социальный (деятельностный, этнически и исторически обусловленный), связанный с социальным коммуникативный аспект, характеризующий общение, речь в той или иной сфере жизни общества, а также когнитивный – комплекс знаний, содержащихся в дискурсивных сообщениях.

Для понимания специфики профессионального дискурса важно иметь в виду, что дискурсом является как целостное континуальное образование (дискурс эпохи, личности, этноса), так и его разновидности – «дискурсивные формации», – которые образуются «на пересечении коммуникативной и когнитивной составляющих дискурса»⁶. Заданность коммуникативных ситуаций в сочетании со спецификацией знания, обусловленной жесткой прагматикой и общения, и использования знания, особенно полно воплощается в *дискурсе профессиональном*.

Профессиональная деятельность и сфера профессиональной коммуникации являются важнейшим аспектом социальной жизни. Поэтому взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов речи, и единство речи как механизма когниции и как социального действия, особенно отчетливо проявляется в профессиональном дискурсе. Вот почему интерес к нему растет, и он активно изучается наряду с такими практиками, как дискурс политический, деловой, рекламный, художественный, научный, газетный, просветительский и т. д. – в коммуникативном, когнитивном, культурологическом, лингвистическом аспектах⁷.

Юридический дискурс как подтип дискурса профессионального отличается своеобразием сферы коммуникации и рядом параметров, соответствующих названным выше аспектам: социальному, коммуникативному, когнитивному, лингвистическому. Юридический дискурс можно определить как общение, обусловленное формами юридической деятельности, отличающееся многообразием жанров, стилей, ситуаций, спецификой отбора языковых средств и их функционирования, а также как область смыслов, сформированных на основе специфицированного знания и реализуемого в этой сфере типа мышления.

С точки зрения организации коммуникации юридический дискурс характеризуется системой

речеповеденческих традиций и норм, регулирующих правовым и профессиональным этикетом, проявляющихся, например, в ранжировании средств обозначения лиц, обращений, этикетных формул, запрете употребления в официальных ситуациях отдельных слов и оборотов и т. п. Регламентированные коммуникативные ситуации и жанры общения сочетаются в юридической сфере с нерегламентированными. Поэтому с точки зрения целенаправленности и прагматической обусловленности общения юридический дискурс отличается относительной системностью и институциональностью (наличием коммуникативно-ролевых рамок общения), что позволяет предположить разомкнутость границ юридического дискурса и его активное взаимодействие с другими дискурсивными формациями и другими сферами культуры и жизни общества.

Юридический дискурс характеризуется своеобразием не только коммуникативной практики, но и концептуализации представлений о мире. В многовековой истории профессиональной деятельности юристов и в профессиональной среде сегодняшнего времени формируется своя картина мира со своим набором концептов, отраженных отчасти в терминах и специальных понятиях (*закон, норма, законный/незаконный⁸, преступление/правонарушение, наказание, de facto/de jure* и т. п.), отчасти – в юридической спецификации онтологических и гносеологических универсалий (*человек, личность, государство, право, владение, справедливость, власть* и т. п.).

Если происходит смещение в каком-то из названных полей дискурса (сфере коммуникации, сфере культурологических представлений или типе мышления), можно вести речь о возникновении интердискурса. Такое явление имеем, например, в отражении профессионального дискурса в художественном произведении, которое не сводится только к стилизации речевых и коммуникативных особенностей профессиональной сферы, но включает воспроизведение других параметров дискурса: представлений, характера мышления, концептов. При этом стилизация дискурса подчинена не столько индивидуализации героя, сколько воссозданию исторического социокультурного фона художественного образа. Возникают своеобразные дискурсивные проекции в художественном тексте⁹.

В качестве ментальной базы (основания дискурсивности) юридического дискурса исследователи называют главенствующий в нем особый тип мышления – так называемое *правовое мышление*¹⁰, отличающееся целым рядом модусов мысли: направленностью на социальные явления, главенством категорий прав и обязанностей, установкой на диалог, специфическим целеполаганием мыслительного процесса, ориентированного на состязательность и доказывание, системностью мысли особого рода – подчиненной системности права, связью с императивным, волевым характером правового сознания и т. п.¹¹



С точки зрения лингвистической организации дискурса, разные дискурсивные формации, и профессиональный дискурс в частности, отличаются лексическим маркированием. Не случайно в лексике той или иной разновидности профессионального дискурса формируется пласт прагматически обусловленных единиц, слов узкоспециального употребления – терминов, профессионализмов, профессиональных жаргонов.

Но и нетерминологические слова могут стать лексическими маркерами профессионального дискурса. В юридическом дискурсе это целый ряд слов, обозначающих самые разные феномены этического, психологического, умозрительного, когнитивного характера, связанные с профессиональной деятельностью и правовым сознанием юриста. Они-то и получили название «ключевых слов» или «ключевых концептов» юридического дискурса¹².

Цель данной статьи – рассмотреть не концепты, а особенности их интеграции в другие сферы культуры, обусловленность содержания концепта его словесным знаком и движение ключевого концепта за пределы профессионального дискурса в иные сферы коммуникации (дискурс политический, художественный). Мы предполагаем, что функционирование слова в качестве обозначения ключевого концепта не только обогащает его иными смыслами, но и в какой-то степени концептуализирует сам языковой знак: само слово, обозначающее концепт, становится концептом. Вот почему в название статьи вынесено понятие «слово-концепт»¹³, под которым понимается слово с преобразованным, обогащенным концептуальным содержанием, маркирующее общественно значимые оценки феноменов социальной действительности. Сдвиги в концептуальном содержании слова являются результатом выхода профессионального концепта в другие виды дискурса.

Возможность такого движения можно продемонстрировать на примере лексемы *дело*, которая получила в культуре особое употребление, трансформирующее профессиональное содержание концепта и в то же время сохраняющее следы принадлежности юридическому дискурсу.

Н. С. Скрипичникова рассматривает это слово в ряду «ключевых концептов» речи работников правоохранительных органов и даже выстраивает схему основных направлений его использования в юридическом дискурсе (работа, занятия, деятельность, судебное разбирательство: *завести, закрыть дело, уголовное дело* и т. п.)¹⁴. Эти направления напрямую соотносятся со словарными значениями самого слова, что позволяет предположить обусловленность концептуального потенциала слова его интенционалом, прямую связь концептосферы и словаря. Значениями лексемы *дело* являются 'работа, занятие, деятельность', 'административное, судебное разбирательство по поводу какого-либо события, факта; судебный процесс', 'собрание документов, относящихся к

какому-либо факту или лицу'¹⁵, реализованные в употреблениях *текущие дела, по делам службы, возбудить дело* и т. п.

Слово многозначное (15 значений по МАС), и, помимо трех названных выше значений, концептуально «заряжены», т. е. потенциально могут участвовать в категоризации социокультурных феноменов, и такие его значения, как 'деятельность, направленная к осуществлению, достижению чего-либо' (ср. *дело Ленина, дело революции*), 'практическая деятельность, действие, в противоположность мыслям, словам'; 'поступок', 'то, что полезно, важно, существенно' (ср. *доказать не словом, а делом*), 'специальность, профессия, круг занятий, область знаний или навыков' (ср. *иметь дело в руках*), 'промышленное или коммерческое предприятие' (ср. «*Дело Артамоновых*»), 'деловая надобность, нужда, потребность; отношение, касательство, причастность'¹⁶ и т. д.

Слово может обозначать и события, что важно для выбранного нами направления исследования его концептуального наполнения; в словаре эту возможность отражают такие значения, как 'сражение, бой' (*Грушницкий сльвет отличным храбрецом; я видел его в деле...*), 'происшествие, событие, факт' (*Дела давно минувших дней...*), 'положение вещей, обстановка, обстоятельства' (*дела на фронте очень тяжелые...*)¹⁷.

Терминологическое же значение слова связано с документоведением. Согласно Государственному стандарту, *делом* называется совокупность документов, относящихся к одному вопросу или участку деятельности, помещенных в отдельную обложку¹⁸. Юридическое значение: 'административное, судебное разбирательство по поводу какого-либо события, факта; судебный процесс' (*уголовное дело, гражданское дело*) – может рассматриваться как семантический коррелят термина из сферы документооборота: как обозначение процесса и текстовой его фиксации, потому что документация, посвященная судебному разбирательству, тоже называется «Дело». Именно это семантическое сращение и получает концептуальное переосмысление в разных видах дискурса.

Можно выделить две ступени вторичной концептуализации «документного» (в комплексе со значением «процессным») значения слова *дело*, две степени усложнения его концептуального содержания. Во-первых, это частичная нейтрализация значения в текстах иностилевой, не связанной с деловой или профессиональной юридической деятельностью, сферы, и, во-вторых, полная утрата значения юридического документа и переход в область обозначения политических, историко-культурных и иных (например художественных) концептов.

Частичную нейтрализацию узкоспециального содержания это слово претерпевает в популяризации судебного красноречия – в публикации судебных речей знаменитых отечественных юристов (например, А. Ф. Кони, С. А. Андреевского, Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасовича и др.), где оно



используется в названии текстов публикуемых речей: «*Дело об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем*» (А. Ф. Кони¹⁹), «*Дело Н. А. Лукашевича, обвиняемого в убийстве мачехи*» (Ф. Н. Плевако²⁰), «*Дело Е. И. Маркова и редактора "Нового времени" Ф. И. Булгакова. Обвинение в диффамации и оскорблении*» (С. А. Андреевский²¹) и т. д.

В качестве опорного компонента номинации тех или иных ситуаций судебного разбирательства оно маркирует реальность события и ту сферу социальной жизни, к которой относится данное произведение ораторского искусства адвоката или прокурора. Само ораторское мастерство, владение технологиями ведения судебной полемики, стратегия защиты или обвинения и т. п. воспринимаются, благодаря такой номинации, как явление общественно значимое.

Заголовков с опорным словом *дело* позволяет не только продемонстрировать связь с профессиональной протокольностью изложения дела, но и придает тематическую целостность повествованию. Выполняя текстовую функцию заголовка, слово маркирует также и событийный статус того, о чем повествуется в данном тексте (это не просто событие, ситуация, случай из жизни, а то событие, которое стало юридическим фактом и разбиралось в суде). Многочисленно воспроизведенная в роли мета-средства номинации текста, лексема *дело* развивает признаки концепта (регулярность употребления в сходных контекстах – одно из условий формирования концепта)²².

Особо следует отметить, что целью публикации судебных речей составители объявляют не мастер-класс по ведению защиты или обвинения, а именно речевое мастерство – искусство судебного красноречия. Поэтому выбор названия текста, сама однотипность грамматической модели заголовка не случайны: такие названия призваны указать на ситуацию появления речевых произведений, форму речи (устное выступление), отношение оратора к повествуемому событию и актуализировать связь этих событий со сферой юридической деятельности.

Названия с лексемой *дело* строятся по регулярно воспроизводимым семантико-синтаксическим моделям, выбор которых зависит от степени «протокольности» даже не передачи речи, а замысла издателя.

Например, в собрании речей А. Ф. Кони заголовки большинства текстов предельно точно отражают юридическую квалификацию тех событий, которым посвящена речь:

Дело о подлоге расписки в 35 тысяч рублей серебром от имени княгини Щербатовой;

Дело о Станиславе и Эмиле Янсенах, обвиняемых во ввозе в Россию фальшивых кредитных билетов, и Гермении Акар, обвиняемой в выпуске в обращение таких билетов;

Дело об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче, обвиняемых в участии в подделке акций Тамбовско-Козловской железной дороги, а последний, кроме того, в приготовлении к отравлению;

Дело о подлоге завещания капитана гвардии Седкова;

Дело о нанесении побоев губернским секретарем Дорошенко мещанину Северину, вызвавших смерть последнего;

*Дело о французской подданной Маргарите Жюжан, обвиняемой в отравлении*²³.

Модель *Дело о...* не является типичным названием той совокупности разнородных материалов, которые сложены в папку и названы «Дело», потому что нарративная направленность – рассказ о событии – не является целью «Дела». Его функция – документальная фиксация события и правовых процедур с прицелом на использование материалов в качестве доказательства в суде (средство идентификации «Дела» – его номер: *Дело № ...*).

Модель *Дело о...* задает повествовательную перспективу через детализированную юридическую квалификацию событий: кто что совершил, в отношении кого или чего. Сами заголовки представляют собой развернутую повествовательно-резюмирующую развернутую конструкцию со множеством языковых черт профессиональной юридической речи: употреблением терминов и профессионализмов, в числе которых отглагольные образования, характерные для деловой речи, например, обозначения преступных действий (*подлог, нанесение побоев, отравление, ввоз, вывоз, выпуск, подделка, обращение билетов* и т. п.), социальные понятия (звания, гражданский статус лица, должности и т. п.: *княгиня, акушер, дворянин, губернский секретарь, капитан гвардии, мещанин, французская подданная* и т. п.), названия документов, ценных бумаг (*завещание, акции, рубли серебром, кредитные билеты* и т. п.). Можно отметить также случаи прономинализации прилагательных и причастий – частичной их десемантизации в результате употребления в функции местоименного слова (*данный, настоящий, последний* и т. п.), специфический синтаксический строй, например, употребление регулярно воспроизводимых в юридической речи конструкций: *обвиняемый в..., вызвавшим смерть...* и т. п.

Связь приведенных выше заголовков с юридическим дискурсом выражается также в стилизации протокольного воспроизведения произнесенной на суде речи юриста или даже стенографии судебного заседания, на котором была произнесена речь адвоката, например, по «Делу Цедербаума с Лютостанским»²⁴, и ремарках типа *Дело слушалось в Тверском окружном суде. Сушность дела видна из речи*²⁵.

Несмотря на стилистическую близость жанрам юридического дискурса: протоколам, стенограммам судебных заседаний – эти тексты в их популяризаторской публикации представлены как произведения судебного ораторского искусства. Можно предположить, что сами речи создавались с установкой не только на рациональное, но и на эстетическое их восприятие (пафос как



эмоционально-эстетическая окраска речи, наряду с логосом и этосом, является необходимой составляющей ораторского произведения).

Извлеченная из протокола и представленная широкому читателю, речь судебного оратора покидает пределы юридического дискурса и становится достоянием других областей культуры – той области русской словесности, которая поднимает животрепещущие вопросы социального бытия, духовной жизни общества, политики, нравственности, власти, в которой находят отражение художественные, публицистические, ораторские традиции.

Заголовок же, отсылающий к дискурсу-источнику, призван создать контраст документальной точности факта, делового речевого стандарта и оригинальности словесного искусства оратора, яркости и эмоциональности его оценок описываемых событий. В популярном издании эти тексты могли бы быть названы и иначе, например, менее определено: *Об убийстве мужем жены*²⁶ – такой заголовок более бы соответствовал целям типизации, обобщения, рассуждению о психологии, общественных нравах. Но употребленное в заголовке обозначение *дело* способствует созданию эффекта протокольной беспристрастности повествования.

При этом концептуализируется и слово, оно становится знаком типизированных событий и оценок: *дело* – это не только расследование и его результаты, сложенные в папку, но и деяние обвиняемого, обстоятельства его преступления, мотивы, причины, среди которых могут быть трагические состояния души, отчаяние, заблуждения, это еще и эмоциональный юридический подтекст: равнодушие присяжных, адвокатов, общественности, нравственный облик участников процесса, осуждение, сочувствие, общественный резонанс события, его след в истории общества и т. д. и т. п. Получая эти и многие другие смысловые наслоения, слово становится «сгустком культуры».

Это особенно верно для модели *Дело кого...* (метонимия от *Дело по обвинению кого*), в которой в качестве второй части употребляется наименование лица (лиц), чаще всего имя обвиняемого. В отличие от модели *Дело о чем...*, эта конструкция более емко выражает гуманистический пафос произведения судебной речи, поскольку в центр внимания выносятся человек: «Дело ксендза Белякевича»²⁷, «Дело люторических крестьян»²⁸, «Дело Бартенева»²⁹ и т. п.

Эта модель так выразительна, что, даже будучи развращены в опубликованной речи, заголовки сокращаются во вторичном свободном их употреблении до двухчленных сочетаний: «Дело Веры Засулич» (из практики А. Ф. Кони), «Дело игуменьи Митрофании», «Дело Прасковьи Качки», «Дело Саввы Ивановича Мамонтова»³⁰ (из практики Ф. Н. Плевако) и т. п.

Они же используются и в художественной стилизации жанра судебной речи. Так, «Дело корнета Елагина» И. А. Бунина не просто воспроизводит в деталях «Дело Бартенева» из практики

Ф. Н. Плевако и стилизует профессиональную манеру изложения дела, жанр судебного ораторского искусства – защитительную речь, выступление адвоката³¹, но и заимствует даже саму модель номинации судебного повествования. Интересна также отсылка к слову *дело* в самом начале рассказа, в котором явственно проступает концептуальное его содержание, обнаруживаемое во множестве эпитетов и контекстуально замещающих его номинаций (*бульварный роман, случай, поступок*):

Ужасное дело это – странное, загадочное, неразрешимое. С одной стороны, оно очень просто, а с другой – очень сложно, похоже на бульварный роман, – так все и называли его в нашем городе, – и в то же время могло бы послужить к созданию глубокого художественного произведения... Вообще справедливо сказал на суде защитник.

– В этом деле, – сказал он в начале своей речи, – нет как будто места для спора между мной и представителем обвинения: ведь подсудимый сам признал себя виновным <...> Допустим, что моя цель – добиться только снисхождения подсудимому. Я бы мог тогда сказать немного. Законодатель не указал, чем именно должны руководствоваться в случаях, подобных нашему, он оставил большой простор их разумению, совести и зоркости, которым и надлежит в конце концов подобрать ту или иную рамку закона, наказуемого деяние. И вот я <...> будил бы в судьях чувства добрые и делал бы это тем настойчивее, что ведь он отрицает лишь одно в своем поступке: сознательную злую волю. Однако и в этом случае мог ли бы я избежать спора с обвинителем, определившим преступника не более не менее, как «уголовным волком»?»³²

Художественная рефлексия ищет и находит в концепте *дело* человеческое и общественное измерение. У И. А. Бунина это трагизм декадентской романтизации любовной страсти, смерти, романтической маски символизма, которая прирастает к личности настолько, что человек не ощущает грани между жизнью и искусством и гибнет, умирает. И смерть его лишена всякой художественности – это не прекрасный уход с розой в бледных пальцах в антураже изысканных интерьеров, а безобразный акт преступления, беспощадно предъявленный публике в физиологических подробностях близости, отравления, алкогольного возлияния – почти по протоколу, как это принято у юристов, у судмедэкспертов. Художественное обобщение возвышается до того, что возводит трагедию конкретного преступления от человеческих отношений к судьбам культуры: по Бунину, это трагедия русской литературы, ищущей красивой гибели в фантазиях символизма³³.

Еще одно художественное прочтение концепта – использование модели *Дело кого...* с контрастным подтекстом, как в художественном сюжете о ложном обвинении невинного человека в киноленте Ю. Германа, И. Хейфица «Дело



Румянцева». То, что названо здесь *делом* – является делом фиктивным, наветом, ложью, злой волей нечестных людей (или нечестной власти), направленной на уничтожение честных людей. Примененное к ним обозначение *дело кого...* возвышает *кого* до уровня героев, гонимых властью, обществом, страдающих и стойких в своем страдании. Именно в таком оценочном контексте слово-концепт *дело* используется сегодня в политическом дискурсе (см. ниже).

Так называемые «громкие» дела в уголовной и политической истории нашей страны тоже оформляются по модели *Дело кого: Дело Бейлиса*, известное в связи с протестом русских писателей во главе с В. Г. Короленко против антисемитизма, проявившегося в этом деле о ложном обвинении еврея Бейлиса. Само это дело и участие в судьбе обвиняемого писательской общественности упоминает, например, Н. Н. Берберова в мемуарной книге «Курсив мой. Автобиография»³⁴. На слуху также *Дело врачей* времен сталинского режима и т. д.

Слово участвует в обозначении исторически значимого политического события, ставшего символом эпохи. Его выход за пределы юридического дискурса очевиден, хотя сохраняется и связь с расследованием, обвинением, судебной государственной машиной. Такое явление – наложение одного дискурса на другой (юридического на художественный, политический) – позволяет говорить о существовании такой формации культуры, как интердискурс.

Интердискурсивное употребление модели *Дело кого...* и сегодня востребовано и развивает шлейф разнородных коннотаций, что наглядно демонстрируют примеры из современной речи (материалы взяты из Национального корпуса русского языка³⁵, далее – НКРЯ):

В ближайшее время в кассационной коллегии Мосгорсуда будет рассматриваться дело Евгения Николаева и Алексея Голубовича, так называемое дело «лимоновцев» (А. Андреев. Будущее принадлежит нам! // «Завтра», 22.08.2003);

Просто, понятно и вполне конкретно. «Дело Ходорковского», «дело Гусинского», «дело Березовского». Обыватель, особенно из тех, кого радует не то, что тебе хорошо, а что соседу плохо, может спать спокойно (И. Гальперин. Власть «делом» занимается // «Совершенно секретно», 09.08.2003);

Такое отношение к простым военным, на плечах которых выиграли кампанию 1999–2000 годов и внесли на престол нынешнюю власть, не вызывает уже никакого удивления и вообще эмоций после оглашённого за неделю до Моздокской трагедии приговора Северокавказского военного суда в Ростове-на-Дону по делу Буданова (А. Гамаюн. Северокавказский приговор // «Завтра», 06.08.2003);

Но имеющаяся информация уже сейчас позволяет категорично заявить: «дело Ахатовой» – это очередная провокация против элитных российских спортсменов (А. Митьков. «Она была на

границе жизни и смерти...»). Лучшую российскую биатлонистку обвиняют в применении допинга // «Известия», 20.02.2003);

Зачастую о громких уголовных делах начинают говорить задолго до начала процесса. Вспомнить хотя бы дело Холодова. О нём пишут уже многие годы (Лед тронулся // «Газета», 02.07.2003);

Вспомните, например, дело Никитина (в 1996 году норвежские власти обвинили Александра Никитина в том, что он передал норвежской экологической организации «Беллуна» данные о радиоактивном загрязнении в районах базирования российского Северного флота). Можно спорить, правомерно или нет засекречены материалы, которые он передавал норвежцам, но они были засекречены (Н. Леонов, Наталия Геворкян. Кому мешают русские шпионы // «Коммерсантъ-Власть», 1998);

Нам же ближе «полоненное дело» Александра Литвиненко, до сих пор не раскрытое, но, кажется, навсегда связанное западными медиа с заказом Кремля (П. Скоробогатый. Убийство на экспорт // «Эксперт», 2015) и т. п.

Коннотация заключается, например, в ироническом отношении к тому факту, которое обозначено конструкцией *Дело кого...*: это сомнение в правомерности заведения дела на то или иное конкретное лицо, конфронтационное настроение по отношению к власти, недоверие к судебной системе. Отсюда различные средства выражения иронии: кавычки, оборот *так называемое...*, общий иронический тон повествования.

На месте имени обвиняемого может стоять и название учреждения: *Дело ЮКОСа, Дело Сибнефти*. Во второй части конструкции встречается и имя потерпевшего: *Прокуратура похоронила дело Кукуры*. В среду прокуратура Московской области приостановила следствие по делу о похищении первого вице-президента нефтяной компании «ЛУКОЙЛ» Сергея Кукуры (Л. Беррес. Прокуратура похоронила дело Кукуры // «Известия», 12.02.2003). Реже используются имена истца и ответчика: *Дело Ароян – Киркорова* и т. п.³⁶

Семантическими тенденциями в использовании моделей с именами (названиями) можно считать, во-первых, актуализацию нарративной глубины концепта *дело* – повествовательной перспективы, которую это слово задает уже в названии текста (*дело* – наименование деяния-события); во-вторых, антропоцентрический подтекст, актуализирующийся в номинации юридического события, реализующий философский принцип древних, в том числе и древнего права: *homo est mensura omnia rerum* (человек есть мера всех вещей); имя маркирует человеческую «меру», знаком события в истории и культуре становится человек; в-третьих, формирование особого, контекстуально (и даже конструктивно – в составе определенной конструкции) обусловленного значения самого слова, которое можно было бы сформулировать как «общественно значимое со-



бытие криминального характера, подвергшееся расследованию, рассмотренное в суде».

Совершенно очевидно, что на протяжении большого периода русской истории (по нашим наблюдениям, не позже чем с середины XIX в.) модель *Дело кого...* используется не просто как свернутая номинация юридического события (*дело по обвинению...*), а как выразительное средство.

Выразительностью обладают и другие метонимические свертки, которые тоже пополняют фонд «юридических» номинаций исторического дискурса, например, трансформации модели *Дело о чем...* в сочетании с относительным прилагательным: «полониевое дело», «хлопковое дело», «бриллиантовое дело» (Зои Федоровой) и т. п., или по месту совершившихся преступлений: *Саратовское дело* 1853 г. (о ритуальном убийстве детей, это дело до сих пор на знамени антисемитизма и черносотенства), *Чубаровское дело* 1926 г. (по названию сквера Чубарова в Ленинграде, дело о групповом изнасиловании, давшее толчок к борьбе общества с разгулом хулиганства в 30-е гг. прошлого века), *Ленинградское дело* 40–50 гг. прошлого века, *Врадиевское дело* 2013 г. (по названию с. Врадиевка на Украине, это дело об изнасиловании и покушении на убийство с участием милиционеров, безнаказанность которых спровоцировала народные возмущения на местах и отчасти кризис власти на Украине).

Так, посредством уже одного только слова-концепта юридический дискурс оказывается активно интегрированным в дискурс художественный, политический, а через него – в исторический. Сфера использования профессионального лексического маркера *дело* в ходе этой интеграции становится дискурсивно нечеткой, неопределенной по всем трем составляющим дискурса: в области коммуникативной (изменяются ситуации, цели, стилевые установки использования ключевого для юридической речи концепта *дело*), когнитивной (меняется стиль мышления, подача информации: слово становится средством не столько номинации, сколько интерпретации и оценки социально значимых событий, изменяются его отношения с другими средствами когниции – обозначением людей – участников событий, места события), историко-культурной (в составе целостных номинативных единиц слово пополняет фонд обозначений исторических событий).

Все это позволяет сделать вывод об актуальности интердискурса как того дискурсивного образования, которое является областью взаимодействия разных дискурсивных формаций, в котором могут скапливаться различные, выбившиеся, подобно слову *дело*, из своей дискурсивной среды, концептуальные единицы. Именно такие миграции концептов свидетельствуют о непрерывной изменчивости концептосферы культуры и о культурной ассимиляции разных направлений коммуникации.

Сегодня отмечается, что «интердискурсивность» – характерная черта современного обще-

ния, и ни один тип дискурса не является замкнутым и завершенным, а «взаимодействие элементов различных дискурсов, которые используют конкретный язык, меняет определенный дискурс и – как следствие – социальный и культурный мир... “борьба дискурсов” вносит вклад в изменение социальной реальности»³⁷.

Еще один вывод касается трансформации по линии выразительности институциональных, «невыразительных» типов дискурсов – делового или юридического. Говоря о текучести современных дискурсивных практик, о преобладании структуры над структурами, О. Г. Ревзина сетует об утрате художественным дискурсом русской классической литературы «бесценного значения интертекстуального донора»: «Современный художественный дискурс мало востребован социумом. Широкое распространение получил интертекстуальный фонд, представленный в СМИ, с его установками на редукцию культурной памяти и сосредоточению вокруг параметров “здесь” и “сейчас”»³⁸. Можно предположить, что такое перераспределение в актуализации сфер культуры обуславливает те трансформации, которые были продемонстрированы на примере концепта *дело*.

Изменяются направления формирования интертекстуальности: символический фонд культуры пополняется не сверху – с высот художественного гения, а снизу – за счет интереса общества к текущему моменту, его месту в современной социальной жизни и истории, к правде самой жизни, ее страстям, слезам, порокам, потерям, боли, испытаниям, т. е. к конкретным человеческим судьбам, хранящимся в картонной папке с лаконичной надписью «Дело».

Примечания

- 1 Степанов Ю. Константы : Словарь русской культуры. 3-е изд. М., 2004. С. 42.
- 2 Там же. С. 6.
- 3 Ангелова М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. Вып. 3. М., 2004. С. 3. URL: <http://www.mgimo.ru/library/publications/1004201> (дата обращения: 19.10.2016).
- 4 См.: Степанов Ю. Указ. соч. С. 48.
- 5 См.: Палашевская И. Функции юридического дискурса и действия его участников // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12, № 5 (2). С. 535–539.
- 6 Ревзина О. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Вып. 8. Новосибирск, 2005. С. 67. URL: <http://www.oleshkov.info-tag.ru> (дата обращения: 20.09.2016).
- 7 См., например, работы по разным дискурсивным, профессионально обусловленным формациям: Йокяма О. Когнитивный статус гендерных различий в языке и их прагматическое моделирование // Изв. Урал. гос. ун-та. 2003. № 25. URL: <http://www.oleshkov.info-tag.ru> (дата обращения: 20.09.2016) ; Коновалова М. Гло-



- бальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008 ; *Крапивкина О., Непомилев Л.* Юридический дискурс : понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9. URL: <http://www.human.snauka.ru/2014/09/7855> (дата обращения: 26.04.2015) ; *Попова Л. Е.* Юридический дискурс как объект интерпретаций (семантический и прагматический аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005 ; *Ракитина С.* Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007 ; *Ее же.* Научный текст – дискурс – дискурсивная деятельность // Лингвориторическая парадигма : теоретические и прикладные аспекты : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. А. Ворожбитовой. Сочи, 2003. С. 97–104 ; *Ширяева Т.* Когнитивное моделирование институционального делового дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008.
- 8 Именно с анализа этого противопоставления концептов (*законный/противозаконный*) Ю. С. Степанов начинает размышления о социокультурологической специфике концептов (см.: *Степанов Ю.* Указ. соч. С. 43).
- 9 Проекция из профессионального дискурса (в социокоммуникативном аспекте) в художественный текст мы демонстрировали в работах: *Авдевшина О.* Дискурсивные проекции в художественном тексте (постановка проблемы) // Русская литература и современные проблемы образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 15 октября 2015 г.). Саратов, 2015. С. 33–39 ; *Ее же.* Профессиональный дискурс в художественном тексте // Русская речевая культура и текст : материалы XI Междунар. конф. (Томск, 15–16 апреля 2016 г.). Томск, 2016. С. 209–216.
- 10 См.: *Храмцова Н.* Правовой дискурс и дискурсивность права // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 57–61.
- 11 Там же.
- 12 См.: *Скрипичникова Н.* Ключевые концепты в профессиональном дискурсе работников правоохранительных органов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 120–123.
- 13 Возможно даже в слитном написании: *словоконцепт* – или *словесный концепт* – в значении концептуализированной лексической единицы.
- 14 См.: *Скрипичникова Н.* Указ. соч.
- 15 См.: *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988. Т. I. А–Й. (МАС).
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 См.: Государственный стандарт РФ Р 51141–98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», 1998. URL: <http://www.sekretariat.ru/glossary#2.2.2.13> (дата обращения: 10.09.2016).
- 19 См.: *Кони А.* Избранные труды и речи. М., 2015.
- 20 См.: *Плевако Ф.* Избранные речи. М., 2015.
- 21 См.: *Андреевский С.* Судебные речи. М., 2015.
- 22 См.: *Степанов Ю.* Указ. соч.
- 23 См.: *Кони А.* Указ. соч.
- 24 См.: *Андреевский С.* Указ. соч. С. 139–146.
- 25 Там же. С. 52.
- 26 «Дело Андреева. Убийство жены» (Там же. С. 335).
- 27 Там же. С. 235–245.
- 28 См.: *Плевако Ф.* Указ. соч. С. 587–608.
- 29 Там же. С. 609–635.
- 30 В приведенном издании речей Ф. Н. Плевако заголовки представляют собой заголовочные комплексы, которые включают названную модель заголовка и уточняющую часть о существе дела (причастие *обвиняемый* в ... – мелким шрифтом), например: «Дело П. П. Качки, обвиняемой в убийстве дворянина Байрашевского» (Там же. С. 386).
- 31 Подробнее об этом см.: *Авдевшина О.* Профессиональный дискурс в художественном тексте.
- 32 *Бунин И.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 3. М., 1988. С. 172–173.
- 33 См.: *Грачева А.* Рецепция символизма в эмигрантском творчестве И. А. Бунина («Дело корнета Елагина»). URL: <http://www.postsymbolism.ru/joomla/index> (дата обращения: 01.10.2015).
- 34 См.: *Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=122279> (дата обращения: 10.07.2016).
- 35 Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения 20.06.2016).
- 36 См., например, новостные сайты: Официальный сайт филиала ФГУП ВГТРК ГТРК «Дон-ТР». URL: <http://dontr.ru/vesti/proisshestiya/33201> (дата обращения: 15.10.2016) ; Mediaport. URL: <http://www.mediaport.ua/news/culture/14981> (дата обращения: 15.10.2016).
- 37 *Иссерс О.* Интердискурсивность и интеркодировость в новых коммуникативных практиках русского языка // Труды и материалы IV Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык : исторические судьбы и современность» (Москва, 20–23 марта 2010 г.). М., 2010. С. 119.
- 38 *Ревзина О.* Русский дискурс в XXI веке : структура и структурация // Там же. С. 138.

Образец для цитирования:

Авдевшина О. Ю. Слово-концепт «дело» в русском интердискурсе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 137–144. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-137-144.

Cite this article as:

Avdevnina O. Yu. Word-Concept 'Case' in the Russian Interdiscourse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 137–144 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-137-144.